

одной рубашкѣ. Хотя онъ просилъ прислать ему денегъ для выкупа платья, но содержатель театра отказалъ ему въ этомъ, такъ какъ онъ жалованье забралъ впередъ. Актриса растерянно говорила:

— Я не знаю, что мнѣ дѣлать.

При этихъ словахъ Лыковой все въ Миша закипѣло. Дрожащимъ отъ волненія голосомъ онъ спрашиваетъ актрису, въ какой пьесѣ и какую роль долженъ играть этотъ актеръ. Она назвала драму, которую Щепкинъ хорошо зналъ, такъ какъ прошедшей зимой онъ часто ее суфлировалъ. Миша заторопился: сердце его трепещетъ, онъ задыхается.

— Позвольте, я сыграю эту роль,—проситъ онъ Лыкову.

— Да развѣ ты когда игралъ въ театрѣ? — съ удивленіемъ спрашиваетъ она.

— Помилуйте, нѣсколько разъ, въ деревнѣ, въ домашнемъ театрѣ.

Лыкова обѣщала спросить разрѣшенія у содержателя театра, Барсова, и увѣдомить о его отвѣтѣ Мишу.

Что сдѣлалось послѣ того со Щепкинымъ, трудно передать. Онъ готовъ былъ и плакать, и смѣяться. Въ припадкѣ бѣшеной радости онъ бросился въ объятія къ одному пріятелю. Тотъ изумился:

— Что ты? Съ ума сошелъ? Вѣшаешься на шею!

— Вася! Вася! Знаешь ли, я завтра играю въ театрѣ роль Андрея-почтара въ драмѣ „Зоя?“

— Нѣтъ?! Право, смотри не осрамись! Это вѣдь не то, что въ деревнѣ.

— Ну, Вася! Что будетъ, то будетъ!

М. С. ЩЕПКИНЪ.

